

Свидетель Пикассо

Автор:

Елена Селестин

Свидетель Пикассо

Елена Селестин

Пабло Пикассо – один из самых великих художников XX века. Все, кто попадал в орбиту гения, уже не мог исчезнуть из его судьбы по своему желанию. Запечатленные в его полотнах, они словно лишались воли, а некоторые из них – и жизни.

Кому как не Жауме Сабартесу, другу Пикассо с ранней юности, – его глазами мы смотрим на гениального мастера в романе – знать, как грандиозен талант художника и как страшен его эгоизм!

Елена Селестин

Свидетель Пикассо

© Селестин Е., 2018

© Красновский Я., оформление, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

«Пикассо, подобно всем великим творцам, одновременно мужчина и женщина; этакая диковинная семейка. И кажется, еще ни в одной семье не было перебито столько тарелок».

Жан Кокто

1. Саб. Оранжевый

Письмо вспышкой озарило пространство, и Сабу было неясно, как теперь жить.

В тот день за завтраком тесть принес потрепанный конверт, бросил на скатерть:

- Тебе, из Парижа. - Тесть хмыкнул и развернул газету.

Инес держала ложку с кашей у лица сына, Саб догадался, что жена презрительно скривила губы. Подпись на конверте, подчеркнутая линией, похожей на древнюю пирогу, была бы видна даже слепому, а Саб пока что наполовину слепой. Подпись Пикассо прекрасна, словно лунный меандр или пыльное облако под копытами табуна. Солнце и сама жизнь разыскали его, Сабартеса, - тоскующего человека, который сначала хотел стать поэтом, затем мечтал написать роман. Не стал никем. Он несколько лет не получал писем от Пабло.

Саб не посмел вскрыть конверт за завтраком; впрочем, в тех очках, что были на нем, он не смог бы ничего прочесть. «Как в этот дом пробралось чудо?» - размышлял он, боясь поднять сияющие глаза от чашки. Почему письмо не затерялось и никто по пути не додумался присвоить ценность, понятную любому? Лишь благодаря необъяснимой щедрости вселенной краски просочились в обшарпанную гостиную.

- Во сколько мы должны быть у врача? - Саб старался говорить обыденным тоном, чтобы жена не сомневалась, что именно для него важно в этот день, как, впрочем, и во все другие. Инес не ответила, лишь попросила сына не плевать. Малышу передалось настроение Саба, он со смехом стал бить ладонью по столу,

посуда позвякивала. Мать ласково придержала руку малыша Сальватора и, повернувшись к мужу, прошипела: «Ну хватит! Полотенце чистое принеси, быстро». Быстро? Она хорошо знает, как трудно Сабу дойти по темному коридору до кухни и что-то там найти.

– Это от Пикассо, Инес! Письмо вернулось из Гватемалы. Наверное, Пабло не знает, что мы снова в Барселоне, хороший будет для него сюрприз! – Ликование предательски проявилось в голосе Саба. Сын тут же расхохотался, громко и заливисто.

– Помоги собрать малыша, – жена давно обращалась с Сабом как со слугой.

В свою спальню он зашел надеть пиджак. Случайно взглянув в зеркало, кроме привычных морщин, уныло висящего носа и испуганных глаз за стеклами очков, Саб увидел, что его губы улыбаются! Даже показалось, что он выглядит лучше, чем обычно, живее. Очень хотелось взглянуть на почтовые штампы на конверте, но он не успевал; если Инес рассердится, а сын начнет нервничать, то поездка к врачу снова сорвется, как уже случилось неделю назад. Саб покружился по комнате в растерянности, постоял, не в силах расстаться с конвертом, будто конверт был оберегом от сил непонятной природы, портящих его жизнь в последнее время. Сунул письмо под подушку, потом достал и спрятал поглубже под матрас. «А что значит – «в последнее время?», когда оно началось?» – спрашивал он себя, усаживая сына и Инес в такси, отряхивая слетевшую в пыль шляпку жены с вуалеткой цвета припудренной апельсиновой корки. Затем, близоруко сощурившись, смотрел из окна машины на размытые очертания города, обесцвеченного жарой в последние недели августа.

Наверное, его плохие времена – те тридцать лет, что он не был в Париже. Он, Жауме Сабартес, слепнет, беден, никому не интересен, в общем, неудачник, каких еще поискать, Инес права. Ему пятьдесят четыре, живет в доме родителей жены, и продукты семья покупает на деньги тестя. Собственные их сбережения ушли на врачей для сына. Безнадежно. Саб все же заставил себя улыбнуться, пристально думать о светящемся письме: малышу Сальватору сейчас нужны силы, а сын все чувствует, мгновенно отражая и транслируя настроение отца или матери.

Когда они вернулись домой, Инес напоила малыша домашним лимонадом и повела отдыхать.

– Я тебе нужен, дорогая? – услышав «абсолютно нет», Саб быстро оказался в своей комнате. С тех пор как они вернулись из Нью-Йорка, он спал в одиночестве и иногда пытался здесь работать.

Полдень был жарким, в спальне не осталось воздуха, но Саб прикрыл дверь еще плотнее и осторожно освободил разноцветные листы из конверта; бумага пахла табаком, терпентином и чем-то влажным, мускусным. Пальцы плохо слушались, но все же в течение дня Саб стал спокойнее, привык к мысли о письме; утром ведь чувствовал себя хоть и счастливым, но сраженным, будто получил удар в солнечное сплетение. Он медлил, осторожно разглаживая листы на покрывале кровати, снова удивляясь, что недружелюбный мир позволил ему получить сокровище. Сильные очки дали возможность видеть радугу строчек, но Саб все не приступал к чтению, растягивая удовольствие, будто ласкал женщину.

На конверте Пабло коряво нацарапал их гватемальский адрес, он был грубо перечеркнут, и рядом рукой консьержа вписан адрес дома отца Инес в Барселоне. Перекладывая листки на поверхности кровати, глядя на них сверху, как на орнамент, кое-где украшенный завитками, похожими на тугой локон цыганки, Саб снова пугал себя, представляя, как некий злодей по ту или по эту сторону океана соблазнился и завладел письмом.

Больше всего было оранжевых букв, некоторые строки были прописаны фиолетовыми чернилами. Много длинных тире, на полстроки. Не было заглавных букв, но в избытке – восклицательных знаков и росчерков. Подчеркивания в основном были густо-зелеными, кое-где бумага оказалась порванной, будто ребенок нажимал на карандаш со всей силы.

Когда наконец перед глазами стали складываться фразы, они оказались доверчивыми и беззащитными, и Саб неожиданно для себя рассмеялся. Не собираясь принимать на свой счет ласковые обращения, на которые Пабло не поспешил, Саб их торопливо проглотил, но потом несколько раз перечитал, почувствовав лекарственную силу дружеского слова. Последующие страницы были полны жалоб, рассуждений об одиночестве и полной неспособности работать. Пабло с отвращением писал о жене, грубо обзывал ее по-каталонски. Саб усмехнулся: ну кто из парижского окружения Пикассо может понять словарь их юности?

Очевидно, Пабло сочинял послание несколько дней, а может, и недель; на одной странице он издевался над «этой женщиной», на другой грустил как

оставленный друзьями подросток, вспоминал: «помнишь ли Саб как мы тогда в «Четырех собаках» и «ты ведь в том году был Париже в последний раз». И еще: «когда попадаешь в жуткое вонючее рыхлое дерьмо некому бросить мяч вспоминаешь о подлинных друзьях они есть на свете – вокруг меня давно уже нет таких людей умных чувствительных к тому же клянусь отдал бы многое чтобы снова обнять тебя стало бы легче в моем отчаянии твой самый преданный друг и слуга Пикассо».

Письмо в основном было написано на каталонском и испанском, но были и фразы по-французски. На всех языках в словах было много ошибок; Сабартес еще острее чувствовал нежность из-за этих детских ошибок. Тридцать лет назад они часто шутили над Пабло из-за его безграмотности, он всегда отвечал: «Мне плевать на ваши правила, пишу, как мне удобно». Пабло говорил не «плевать»... ну конечно, ему было насрать на грамматику, как и на многое из того, что держит других людей в рамках страха и порядка. Но у Пабло были собственные страхи, и он изобрел свои ограничения, некоторые из них проявились в письме.

Сабартес решил дойти до столовой, поискать бутылку вина, открытую накануне за ужином. Еще не достигнув конца коридора, услышал крики Сальватора, переходящие в хрип. «Господи, как он разволновался из-за меня», – ошпаренный чувством вины, Саб бросился на террасу, где сын извивался на лежанке, царапая ногтями голый живот. Сабартес попытался обнять сына, но мешал листок письма в руке, он отстранился.

– Что ты тут встал? – жена явилась с кухни со стаканом воды.

– Знаешь... это очень хорошее письмо. Необычное. Хочешь вечером, когда уложим малыша, почитаем вместе? – предложил Саб заискивающе, протягивая ей листок. – Выпьем чего-нибудь, хотя бы того праздничного вина, посидим в саду, как мы раньше любили, помнишь?

Ему вдруг представилось, что благодаря посланию из Парижа их жизнь с Инес способна измениться.

– Па-пааааа, не п-ееей гадкую воду! – пронзительно заорал сын.

– Что ты, что ты, я не пью вино, не волнуйся, – снова шагнул к малышу Сабартес. – Или мало, совсем мало.

– Не хочу мало! Не трогай меня! – верещал сын.

– Ты, что ли, спятил от радости, что знаменитый дружок вдруг вспомнил о тебе спустя тридцать лет?! И что же ему понадобилось? – Инес больно ткнула Сабартеса острым кулаком в плечо. – Малыш и так настрадался у врача, отойди!

– Успокойся, малыш, – Сабартес отвел руки за спину, словно кланяясь. – Папа очень тебя любит и не будет пить плохую воду.

– Я люблю папу, – захныкал сын, пуская слюни. – Люблю-люблю.

– Тоже очень люблю тебя, малыш, – Саб потянулся к жене, ему удалось чмокнуть ее в шею.

Ночью Сабартес долго вникал в текст, написанный оранжевым карандашом, некоторые строки были подчеркнуты несколько раз голубым, другие зеленым.

...никакой подмены и протянутых рук и что еще говорить в этот ясный торжественный миг и немного комичный когда стол поднимается на дыбы и демонстрирует поверженному врагу свою исколотую грудь и так смешно изумлять какое-нибудь пойло своей чистокровной кровью хлеба и голодной морковки и оставаться спокойным перед ножами которые разбегаются и бросают его даже не подумав обернуться в страстных луковых слезах и не отдадут себе отчета ни в мольбах ни в просьбах целой толпы доводов хоть разбейте носы если капелька солнца слепит но оно уже так устало и принимается жарить...

* * *

Пикассо сообщал, что уже несколько месяцев, как перестал писать картины и рисовать, теперь будет только сочинять стихи. На новом пути поэта ему нужна помощь прекрасного друга Саба, только ему он хочет показывать свои тексты – кровотечение души разорванной на клочки предательством пространства.

Перечитав несколько раз оранжевые стихи, Саб ничего не почувствовал и решил попробовать прочесть их еще раз утром, когда солнце и птицы в саду едва

проснулись, а дом спит. Ему уже было ясно, что Пабло остался невероятно молодым. Состарились все вокруг: общие друзья, красивые женщины, знакомые – все! Только не Пабло. Некоторые, даже из тех, что моложе, – умерли, другие стали немощными, как он сам, Сабартес. Сделаться вялым и неинтересным хуже, чем распрощаться с жизнью.

«В судьбе случается несколько моментов чуда, – учила Сабартеса бабушка. – У одних – считанные разы, у других часто».

«Рядом с Пикассо чудо происходит каждый день, наверное. Он сам создает всполохи чуда вокруг», – вздохнул Саб мечтательно.

«И тогда важно следовать за такими мгновениями, доверять им, – говорила бабушка. – Это и есть дары Господа; надо безоглядно идти за этими знаками, тогда твоя жизнь будет развиваться правильно».

Конечно, надо побыстрее написать ответ, сообщить, что письмо получено и что они теперь в Барселоне. Надо рассказать о себе. А что может быть интересно всемирно почитаемому гению? Что может поведать Пикассо он, слепнувший неизвестный писатель, который иногда получает заказы на статьи. Темы ему дают такие: «Застройка квартала для бедняков в новом пригороде Барселоны». Жена Саба презирает его, последние года два точно, ну, и столько же времени, даже дольше, они не прикасаются друг к другу – вообще никак, даже «спокойной ночи» желают издали. Хотя наверняка по-своему Инес привязана к нему, и они оба любят малыша Сальватора, это правда. Сыну скоро исполнится двадцать шесть, у него церебральный паралич и частичный отек мозга после родовой травмы, – эти слова Сабартес тысячу раз повторял про себя, обсуждал с женой и с врачами. Диагноз их жизни начертан на скорбном флаге, который они тащат вдвоем с Инес, иногда больно пихая друг друга. Они будут волочить эту ношу всегда.

Саб каждый день чувствовал себя виноватым оттого, что у него недостаточно сил, чтобы сделать будни своей небольшой семьи радостнее. «Есть ведь люди, – часто думал он с тоской, – которые от таких испытаний становятся сильнее, рожают других детей и достигают успеха в чем-то, больше зарабатывают ради семьи». Вот он не смог стать таким.

Об этом не стоит писать Пабло, ни слова о болезни малыша. Тогда о чем?

Саб решил найти папку с черновиками рукописи своей книги о каталонских художниках, среди которых самый известный – Пикассо. Со времени возвращения в Барселону из Америки Саб ни разу не доставал эту папку, наверное, она в коробках, вместе с нераспакованными книгами. Ладно, потом найдет.

Он решил, что его ответ будет кратким: счастлив был получить от тебя весть, искренне сочувствую твоим переживаниям в связи с разводом, больше всего в жизни люблю, как и ты (как было сладко написать – «как и ты»!), наши общие воспоминания. Чем я могу тебе помочь, дорогой друг? Нельзя не написать о стихах Пабло, придется выкручиваться, хотя это будет нелегко. Дело не в том, что в опусах Пикассо нет знаков препинания и заглавных букв – после экспериментов Бретона, Тцары, Элюара и Супо пунктуация больше не имеет значения. В стихах Лорки и Аполлинера, даже у тех же Элюара и Бретона, часто отсутствует не только пунктуация, но и банальная логика, форма и размер в поэзии теперь могут быть какими угодно. Однако в их строках есть пульс. Точно так же как в любом рисунке, любом росчерке руки Пикассо, даже в отпечатке его пальца, есть неизъяснимый смысл! И сила!

В стихах Пабло нет объема. Слова не его палитра – ясно сразу, с первой строки. Саб мучительно размышлял, перечитывая оранжевую страницу, проверяя себя, нет ли у него предубеждения из-за того, что он восхищается Пабло-художником. Но стихи снова казались ему претенциозным набором слов.

Вымарав несколько вариантов черновика, Саб написал: «Драгоценный друг Пабло, твое письмо сделало меня по-настоящему счастливым, я воспринял его как награду, знак того, что поступил верно, вернувшись в наш город. Будто Испания вдруг заговорила со мной твоими строчками. Про стихи я здесь, пожалуй, писать не буду, хотя мечтаю обсудить каждую строку, все неожиданные образы за стаканом хереса... твои стихи гораздо сложнее и значительнее бледных слов, которые я мог бы придумать сейчас, они открывают много значений и смыслов».

Он добавил несколько бодрых фраз, перечитал ответ и остался доволен, – кажется, безнадежность его каждодневного существования не просочилась в текст.

Внешне жизнь Саба в сентябре не изменилась, хотя он постоянно думал о Пабло, ему хотелось понять причины отчаяния друга. Он сказал жене, что в газете ему

заказали большую статью о Пикассо, и теперь надо побеседовать с кем-то из общих друзей, знавших Пабло в годы их отсутствия в Барселоне. Еще надо походить в библиотеку, пролистать французские и испанские газеты за многие годы. «Статья должна быть основательной, Инес», – сказал Саб. Он действительно ходил в публичную библиотеку на Рамблес, листал там подшивки газет. Очень обрадовался, когда получил второе, и сразу же – третье письмо от Пикассо, с поразительным тайным признанием. В письмах любимец Парижа и Мадрида, а также Барселоны неизменно взывал к самому скромному из своих друзей юности с мольбой о помощи и поддержке.

«Самый зрячий человек Европы вдруг решил, что не может обойтись без советов полуслепого», – счастливо усмехался по ночам Саб, разговаривая с собой и попивая лучшее вино из запасов тестя, бывшего прежде уважаемым в городе нотариусом. Он попробовал снова курить, в саду, именно так поступала Инес – отдыхала по вечерам, глядя на небо и выкуривая две-три сигареты. Но у него не вышло: глаза даже на открытом воздухе слезились от дыма, к тому же идти в сад, а потом возвращаться в темноте было сложно, Саб отказался от этой затеи.

«Все вокруг меня складывается омерзительно не представляешь мой Саб сколько мне пришлось вынести и одному Богу известно какие муки мне еще придется вытерпеть». Конкретно о своей жизни в бессвязном первом письме, да и в последующих, Пабло сообщал немного, если не считать удивительного признания, которое следовало хранить в тайне. Но постепенно Саб более-менее уяснил для себя обстоятельства последних лет.

Весной этого года жена Пикассо Ольга подала на развод и наняла дорогого адвоката. Публичный скандал, опись имущества – и особенно перепись и затем «арест» картин и даже рисунков в мастерской – изводили Пабло и оскорбляли. Дело было не в его чувствах к Ольге, друзья сказали Сабу, что у Пабло есть постоянная любовница, очень молодая: ее имя было никому не известно, Пикассо умел хранить свои секреты.

Тогда почему Пабло воспринял развод как крушение, угрожающее его дару? Обычные суеверия испанца у Пабло были преумножены русскими предрассудками, воспринятыми от жены: Пикассо пугало, например, что они с Ольгой венчались в православной церкви и ортодоксальные небеса могут покарать его за развод. Хотя очевидно, что Пабло согласился на венчание оттого, что никогда не был ревностным католиком. Кроме того, Ольга Пикассо, измученная ревностью, часто проклинала его, грозя Пабло небесными карами на

французском, русском и испанском. Пикассо также всерьез опасался, что Ольга способна наслать на него порчу или наговор, обратившись к русским колдунам или прибегнув к цыганской магии: с молодости он видел в болезнях явление не физиологическое, а мистическое. Саб помнил, как они в свое время обсуждали «роковую» скарлатину бедолаги Касагемоса, их общего друга юности.

Вторая причина творческого паралича – прежняя царственная отстраненность Пабло от государства, у него это до сих пор получалось. Ребенком Пабло был окружен обожанием пяти женщин: кроме матери и бабушки, две родные тетки и няня исполняли все, что взбредет в голову маленькому художнику. Он хотел только рисовать и не желал сидеть на уроках, в итоге аттестат об окончании начальных классов ему просто купили – ни читать, ни писать ребенок толком не научился. Зато рисовал он как взрослый; видя его безусловный дар, отец, скромный музейный работник и преподаватель рисования, прощал Пабло все. Потом от давления социума Пабло продолжали защищать родители и состоятельные родственники. Он мог бросить занятия в престижной Скуоле Мадрида или оставить квартиру, за которую родителями было уплачено на год вперед, переехать в другой город, – ему это все позволялось. Когда он окончательно перебрался во Францию, у Пикассо появились добровольные помощники – друзья и женщины. Рыжая Фернанда была в этом особенно сильна, помнил Саб. Она стала подругой Пабло, когда он был нищим и дико несчастным, переживая самоубийство своего лучшего друга Касагемоса. Сильная, смешливая красавица Фернанда помогла Пабло не только пережить депрессию, устоять, но и подняться. Потом к друзьям и женщинам присоединились преданные художнику маршаны – торговцы искусством. Даже во время Первой мировой войны, когда парижское окружение Пабло страдало, кто-то из друзей воевал и был ранен, кто-то вынужден был уехать из Франции, – даже военное время для Пабло было счастливым и плодотворным. Он не считал нужным доказывать, что сочувствует французскому патриотизму; оставался просто испанским художником, живущим в Париже, то есть самим собой. Уже тогда Пикассо обладал властью над обстоятельствами.

Рыжеволосая Фернанда, правда, умудрилась бросить его как раз накануне войны, а вместе они прожили долго, больше семи лет. Она променяла Пабло, который уже к тому времени неплохо продавал свои картины, на другого художника, совсем неизвестного. После ухода Фернанды Пабло быстро нашел новую подругу, Еву, и, судя по всему, связь была счастливой: Пабло писал Еве любовные письма каждый день, даже если просто выходил выпить стакан вина с друзьями в кафе. Дела Пикассо к тому времени уже вели профессионалы – Амбруаз Воллар и Конвейлер, продажи картин шли все успешнее. Пикассо

оставалось только работать, любить свою Еву, получать хорошие деньги да натравливать маршанов друг на друга, чтобы каждый из них боялся потерять его расположение. После двух лет жизни с Пикассо в неге и комфорте Ева умерла от туберкулеза. Пабло впоследствии не только никогда о Еве не рассуждал, не писал, но и не упоминал ее подлинное имя (а Ева – это был псевдоним, так сказали друзья). «В этом он похож на свою мать, донью Марию Руис Пикассо, женщину замкнутую и недоверчивую, – думал Саб. – Как и она, Пабло тщательно скрывал все, что имело для него значение, что волновало особенно сильно».

Как раз в это время, возможно из-за потери возлюбленной, Пабло сильно изменился: так считали все, кто его знал. Он забыл прежних друзей, и не только тех, что из Барселоны, – Пальяреса, Рамона Пичота, Гонсалеса, – но и Макса Жакоба, своего первого близкого друга-француза. Гийома Аполлинера Пикассо в своей «новой жизни» тоже успел обидеть (хотя друзья не знают точно, что именно там случилось), а вскоре поэт-герой, поэт-философ Аполлинер покинул этот мир. Узнав о смерти Апо Пабло написал свой автопортрет: это было лицо растерянного человека, который не любит не только себя, но и кого бы то ни было. Обо всем этом Сабу рассказал скульптор Гонсалес, который с Пабло давно не общался и был обижен на него.

Потом в жизни Пабло настала эпоха Ольги Хохловой и Жана Кокто. Говорят, что Кокто – ходячий парижский рекламный журнал – вцепился в Пабло с первой встречи, и так по сей день около него трется, отвлекаясь только на наркотики и романы с красивыми молодыми людьми. Саб каждый раз задумывался, возвращаясь к размышлениям о дружбе Пикассо с Жаном Кокто... и с Касагемосом, Педро Маниаком, Максом Жакобом. В общем, Сабартесу была непонятна дружба Пабло с известными гомосексуалистами Парижа и Барселоны. Многократное совпадение? Факт: Пабло, так любящий женщин, привлекает и мужчин; наверняка это не связано только с сексуальностью. Возможно, в этом проявляется поразительная сверхчувствительность этих одаренных людей: они отличаются от других, живут вне традиционного общества, их восприятие обострено отверженностью, и потому они с первого взгляда чувствуют, что Пикассо – уникал. Они хотят быть рядом с Пабло, потому что он излучает силу, в которой нуждаются все – мужчины, женщины, дети, животные. Будто у него в животе магнит. Пикассо повелитель не только двухмерного пространства – бумаги, холста, – он со временем стал повелителем людей, недаром ведь болтали, что Макс Жакоб составил... или это был Аполлинер... гороскоп Пикассо, и он полностью совпал с гороскопом короля Людовика Четырнадцатого, «короля-солнце»! На стене квартиры Саба в Барселоне, той самой, что на Консуладо,

юный Пабло написал: «Волосы моей бороды и мои ногти, хоть и отделены от меня, – боги в той же мере, что и я!» Саб тогда решил, что это шутка Пабло, пока не убедился, что люди в их окружении смотрят на невысокого, 158 сантиметров роста, некрасивого Пикассо с обожанием. Дело явно было не только в его способности росчерком карандаша запечатлеть суть мира. Общаться с Пабло означало быть причастным к источнику уникальной силы.

В начале дружбы Пабло с Жаном Кокто Сабартес уже жил в Гватемале, уехал туда к богатому дяде в надежде на хорошую карьеру. Но он легко мог представить, как спесивый сноб Кокто, самый известный фронт Парижа, соблазнял Пабло разговорами о гениальности. Сколько этих разговоров было на Монмартре, в каждой комнате Бато Лавуар, да и в коридорах тоже. Смешное название Бато Лавуар – «Корабль Прачечная», – насколько Саб помнил, придумал поэт Макс Жакоб. Это была заброшенная фабрика, где в XIX веке делали пианино. Художники за гроши арендовали неказистое двухэтажное строение (вообще-то трудно точно сказать, сколько там было этажей, настолько нелепой была постройка), разгородили на клетушки; внешне кривое здание напоминало баржи, на которых раньше женщины стирали белье на Сене. Одежда художников, поэтов и их подруг сушилась на окнах, дополняя образ прачечной.

Сабартес помнил, как пахло в Бато Лавуар: тушеной капустой, жареной рыбой, духами и табаком, в коридоре все перебивал едкий дух единственного туалета, в котором не было стульчака, только грязная дырка в дощатом полу. Из-под кривых дверей – а не запиралась ни одна, включая туалетную, – несло опиумом и керосином. Чистюля Саб в молодости страдал от скверных запахов не так сильно, как сейчас, однако и тогда он удивлялся: как художники, и особенно их женщины, а ведь многие из них были хорошенькие, – способны пользоваться единственным ржавым краном, чтобы помыться? Жильцов в Бато Лавуар было человек сорок, не меньше. Еще там жили животные: Пикассо, например, никогда не мог удержаться и не притащить в свою комнату дворнягу с улицы. А по извилистым коридорам Бато Лавуар бегали якобы дрессированные крысы, мяукали приبلудные коты и чирикали птицы в клетках. Ноев ковчег на парижском холме. В этом развеселом ветхом бараке Пикассо жил до 1909 года, потом они с Фернандой уехали с Монмартра, сняли квартиру в уважаемом квартале.

Итак, к моменту знакомства с Кокто, Пабло уже покинул Бато Лавуар, корабль нищей богемы, но был несчастен, потеряв свою Еву.

Жан Кокто свел Пикассо с Дягилевым, смог убедить антрепренера, что нужно пробовать новых художников, нельзя быть привязанным только к русским: к Бенуа, Баксту и Гончаровой. Это произошло уже в 1917-м. Удалось невероятное: Кокто уговорил Пабло, который ненавидел путешествовать, поехать на репетиции балета «Парад» в Рим вместе с труппой Дягилева. Там Пабло и познакомился с русской балериной Ольгой Хохловой, влюбился, а вскоре женился на ней. Началась респектабельная жизнь Пикассо, он становился по-настоящему модным и богатым. Ольга следила, чтобы все было «как должно» – роскошная машина «Испано-Сюиза» и шофер в ливрее, одежда от лучших портных, огромная двухэтажная квартира в престижном районе, прислуга. Так прошли десять лет их брака.

Сабартес внимательно изучил статьи об этом периоде жизни друга. Он решил, что, женившись почти в сорокалетнем возрасте вполне осознанно, Пабло был счастлив какое-то время после рождения сына. Портреты Ольги с маленьким Паоло были полны нежности и даже восхищения. А что случилось потом? Почему мещанский театр Ольги со слугами, нарядами, светскими раутами развалился? Когда от подчинения прихотям жены Пабло перешел к ненависти и презрению? Говорят ведь их общие друзья-испанцы, что еще недавно, год назад, летом 1934-го, когда Пабло с женой и сыном приезжал в Барселону и в Мадрид, это было внешне благополучное семейство, похожее на множество других буржуазных семей с хорошим достатком. Только Пабло к тому же был невероятно знаменит, а Ольга изысканно красива. На людях, во всяком случае, она выглядела уверенной в себе и властной.

Сабартес привык размышлять во время прогулок, в Барселоне он не опасался заблудиться даже без очков; гулял по много часов и в конце сентября, и в октябре, сидел подолгу, размышляя, на скамейках бульвара и в кафе. «Если закрыть глаза и не отвлекаться на звонки трамвая и шум авто, можно представить, что находишься в том времени, когда мы были молоды и много смеялись. Запах города почти не изменился: ароматы кофе, чеснока и цветущих кустов, запах прогретой пыли... правда, когда ветер дует с моря, партитура аромата становится другой, в город врывается стихия, вечная, и она не связана ни с городом, ни с нашими жизнями, такими короткими». Каждый раз по возвращении домой Саб нарывался на обвинения Инес в «свинском равнодушии к несчастному сыну».

Прочитав второе, затем третье послание от друга, Сабартес понял: после десяти лет брака Пикассо стал опасаться, что быстро состарится рядом с пресной

Ольгой. Приближаясь к своим пятидесяти годам, он не желал сидеть полнеющим старичком в квартире, обустроенной надоевшей женой, дремать после обильного обеда в вязком кресле, покрытом ковриком с изображением лебедей или болонок. Пикассо хотел оставаться хищником, жить, как живут молодые. И вскоре произошла встреча. Или наоборот – сначала произошла встреча, а потом уже, глядя на девушку, которую Пабло захотел сделать своей любовницей, – глядя на совсем юную спортсменку, в то время несовершеннолетнюю, – он испугался, что стал почти стариком. И обвинил в этом Ольгу.

Связь Пабло с той девицей, по намекам друзей, длилась уже шесть-семь лет, продолжалась и сейчас. Говорили, что даже во время поездки по Испании летом 1934 года (про этот вояж много писали и в испанских, и во французских газетах) любовница тайно следовала за семейством Пикассо, останавливаясь в небольших гостиницах неподалеку, в то время как знаменитый художник, его законная жена и сын, вместе с шофером «испано-сюизы», одетым в старомодную ливрею, вместе с горничной и бонной, носившими накрахмаленные фартуки и чепцы, – жили в самых дорогих отелях Барселоны и Мадрида. Может, Ольга узнала об этой унижительной клоунаде и разъярилась, подала на развод, поклявшись разорить мужа?

А знает ли Ольга о тайне, которую теперь знает Саб?

В любом случае двойная игра окончена: в парижской мастерской художника хозяйничают юристы и судебные приставы, натравленные Ольгой. Ее адвокат, согласно французским законам, перед разводом потребовал скрупулезной описи имущества, и Пикассо теперь придется отдать жене половину недвижимости, половину непроданных картин, рисунков и скульптур, его счета в банках тоже арестованы. Пикассо обязан ходить в суд, давать показания об обстоятельствах своей измены, слушать обвинения и проклятия жены.

* * *

В начале осени тридцать пятого Саб по-прежнему помогал Инес, ездил с ней и с сыном по врачам, ухаживал за малышом, но относился теперь к этому так, словно читал о собственной семье в книге: более спокойно и отстраненно, чем раньше. И наоборот, перипетии судьбы Пикассо будто стали его собственными. Он часто бродил в барселонском квартале Баррио Кино, оттуда шел на улицу Консуэло, где у него когда-то была своя маленькая квартира, затем поднимался

в бедный квартал Рьера-де-Сан-Хуан, где у Пикассо в те же времена была студия.

Родители Саба, люди религиозные и болезненные, его баловали, он вырос в любви и ласке, но боялся окружающего мира – так же как боялись его и родители. Саб стал сиротой еще подростком, и это потрясение увеличило его страхи. Дом, где рос Саб, достался его теткам по отцовской линии, те устраивали свою жизнь, заводили романы, выходили замуж и рожали детей, и к семнадцати годам Жауме Сабартес был полностью предоставлен себе. На деньги, оставшиеся на банковском счете его матери, Сабу купили квартиру, и он туда переехал, когда поступил в университет. Дружба с веселым, сильным Пабло Руисом – тогда Пабло еще не был Пикассо, фамилию матери он выбрал своим псевдонимом несколько лет спустя – вытащила Саба из трясины страха и одиночества. Он хоть и не научился хохотать так, как умел хохотать молодой Пабло, но стал иногда улыбаться.

Тридцать пять лет назад по утрам Саб выходил из своей квартиры, проходил этим же путем, шел к Пабло, будил его, они спускались в кафе, завтракали, потом возвращались в студию. Пикассо начинал работать, а Саб пытался написать стихотворение, читал книгу или просто наблюдал. К вечеру они шли гулять и разговаривали подолгу, иногда Саб провожал Пабло до ворот веселого дома в Баррио Кино, там художника встречали как своего. Саб публичными домами даже в молодости не интересовался.

Пабло в письмах часто вспоминал те их прогулки и разговоры. Он писал, что хочет, чтобы они снова встретились в Париже как самые близкие люди. «Жаль, что это невозможно, но я благодарен и за несбывшееся. По крайней мере, у меня есть мечта, общая с Пикассо», – вздыхал Саб по ночам, перебирая страницы писем.

В юности Пабло расписал квартиру Сабартеса (ни у кого из их тогдашних приятелей, кроме Саба, не было своей квартиры) в голубых и серых тонах; одно окно Пикассо превратил в губы пучеглазого мавра, другое в фантастический глаз, в простенке появились фигуры любовников, слившихся в объятии. Это там Пикассо написал на потолке про божественные волосы из бороды. Вообще они часто дурачились. Когда Сабартес наблюдал, как друг расписывает стены, ему казалось, что Пикассо не выбирает цвет и форму, а краски и линии сами проступают из стены.

Перед отъездом в Гватемалу Сабу пришлось продать квартиру. Сейчас, осенью 1935-го, Саб иногда подходил к подъезду на улице Консуэло, но ни разу не решился позвонить в дверь, чтобы расспросить новых хозяев, сохранили ли они уникальную роспись.

А в своей студии в трущобах на Рьера-де-Сан-Хуан Пикассо изобразил на стенах несуществующую мебель: большой стол, кресла. Недавно здание, где была мастерская, снесли, затеяв там безликое социальное строительство. Их общий друг Пальярес напомнил Сабу, что именно в этой студии, перед своим отъездом в Париж, Пикассо написал на небольшом холсте автопортрет, изобразил себя с огромными вытаращенными глазами, с растрепанными волосами и вокруг головы три раза нацарапал: «Я – король». Это была шутка лишь отчасти: очевидно, уже в двадцать лет у Пикассо было мощное ощущение дара. Впрочем, сейчас никто в Барселоне не мог вспомнить, куда делся тот портрет.

У меня тут полно дурацких свободных комнат прислугу выгнал вслед за мадам если твоя жена не боится беспорядка в квартире пока еще моей если ты уверен что она не сбежит приезжайте вдвоем мечтаю бродить с тобой и говорить много!!!! Саб умоляю тебя просто будь моим спасителем как прежде.

Во время прогулок Саб сочинял ответ Пабло; он решил, что пора написать правду о малыше Сальваторе, иначе трудно объяснить, почему он не отзывается на просьбу о встрече. Он опасался, что Пабло догадается о его бедности, и тогда будет похоже, что он, Сабартес, рассчитывает на помощь со стороны знаменитого друга. Больше всего на свете Сабу хотелось быть с Пабло на равных, еще лучше – в чем-то помогать, быть ему нужным. Но сейчас он не может просто купить билет, сесть в поезд и на неделю-другую приехать.

Видишь ли, мой друг Пабло, – сочинял на ходу Сабартес. – Я прежде не рассказывал тебе о своем горячо любимом ребенке. Мы с моей супругой Инес-Хосе Уркиола-Пичот 26 лет назад называли его Сальватором, и я убежден, что он на самом деле спасает меня от чего-то страшного. От обыденности, самодовольства и гордыни, во всяком случае... я должен признаться тебе, что Сальватор не совсем обычный человек

...или лучше так: Но у Сальватора, кроме необычной чувствительности и нежнейшей души, есть особые проблемы со здоровьем...

Подыскивая точные слова, Саб входил в калитку сада перед домом тестя, когда его больно схватили за плечо.

- Инес, ты меня напугала! - Саб приготовился выслушивать упреки, однако жена, не отпуская руку, молча смотрела ему в лицо, в глазах был страх. Он хорошо знал такой ее взгляд, предвещавший истерику. Жена, держа его хваткой полицейского, повела к старой скамье у забора в тени куста и только там отпустила:

- Я знаю все, - маленькое увядшее лицо Инес исказилось.

- Почему плачешь? Что, что ты знаешь?

- Почему ты! Уходишь из дома так часто, - Инес закрыла лицо руками.

- Я пишу статью о Пабло, говорил тебе.

- Не ври, - Инес замотала головой, но говорила теперь шепотом. - Это слишком... мерзко.

«Неужели она нашла то письмо Пабло, с тайным известием, и это так ее потрясло?! - ужаснулся Саб. - Разве я плохо его спрятал?»

- Но разве это не прекрасно, - осторожно начал он, - что Пабло доверяет мне? Он такой известный человек. А вдруг сможет помочь нам с консультацией у врача в Париже? - Саб не собирался говорить это, он не думал никогда о подобной помощи от Пикассо.

- За дуру меня держишь?! Хочешь еще и унижить?

- Почему? Что вдруг? - Саб пытался прикоснуться к жене, чтобы успокоить, она дернула плечом и отстранилась.

- Я все чувствую, и малыш тоже... ты больше не хочешь быть с нами! - резко выдохнула Инес, по привычке стараясь говорить тихо, чтобы не услышал сын, было похоже, что ей не хватает воздуха. - Ты отдаляешься и скоро бросишь нас.

– Что за чушь, – искренне поразился Саб. – Я люблю вас! Нуждаюсь в вас так же, как вы во мне, не меньше!

– Не лги! – выкрикнула Инес, продолжая задыхаться. – Я помню, ты был таким же тогда, когда эта малолетняя проститутка хотела увести!

– Инес, ну не начинай, пожалуйста, – простонал Саб.

Они с женой и малышом жили в городке при Гватемальском университете, Саб читал студентам курс классической французской литературы, до тех пор пока Инес не стала ревновать его к слушательницам, особенно к одной бойкой креолке. Начались скандалы, Инес вовлекла в них родителей девицы, а те оказались знатными и влиятельными и сделали все, чтобы «эта женщина» перестала нападать на их дочь и обзывать ее проституткой. Сабу пришлось оставить преподавание. Почему-то, вспоминая те годы, он больше всего жалел об одной фотографии, возможно, единственной, где он сам себе нравился, – фотография была сделана перед балом выпускников на большой поляне в саду при университете. Там Саб стоял в светлом костюме среди своих студентов. На том снимке он был таким, каким хотел бы себя видеть, – элегантным мэтром, уверенным в себе, он широко улыбался и выглядел счастливым. Инес порвала эту фотографию на мелкие клочки, как и все другие снимки того периода. После увольнения из университета знакомый помог Сабу занять должность редактора в испаноязычном издательстве в Нью-Йорке. Но климат или же просто жизнь в большом городе не подошли малышу Сальватору, им пришлось вернуться в Барселону.

– Я прекрасно знаю этот твой взгляд – ты думаешь о другой женщине! Уходишь от нас, разговариваешь сам с собой, смеешься! Ты похож на психа!

– Тысячу раз говорил – я пишу статью о Пабло Пикассо! Если ты не понимаешь, как мне сейчас важно заявить о себе как о лучшем специалисте по Пикассо в Барселоне и во всей Испании, если ты этого сообразить не можешь, то ты и в самом деле не слишком-то умная, – выпалил он раздраженно и тут же осекся.

Инес горько всхлипывала, прикрыв рот ладонями.

– Ну, прости, – он осторожно погладил ее плечи, потом приобнял и притянул к себе. Она робко прижалась, продолжая всхлипывать. – Никто мне не нужен, ни в

кого я не влюбился, ты моя единственная, у меня в жизни есть только ты и наш сын.

- Нет.

- Что - нет?

- Я же вижу, что думаешь все время о ком-то, - скулила жена.

- Собираю материал. Пабло ведь мне уже три письма прислал, и это очень хорошо для нас.

- Чего хорошего?

- Я же объяснил, - повторил он терпеливо, - мне важно заявить о себе как об уникальном эксперте по его творчеству.

Саб с тоской отметил про себя, что снова врет жене про статью, и одновременно будто предаёт Пикассо, вслух рассуждая, как было бы хорошо заработать на отношениях с ним. Но кто виноват, если нервы Инес расстроены? Поглаживая ее дрожащую спину, он размышлял, не сказать ли жене о том, что написал Пабло, не поделиться ли с ней чужой тайной, это, по крайней мере, могло бы их сблизить.

- Поклянись здоровьем, нет, жизнью малыша Сальватора! Что ты не влюбился снова и не собираешься нас оставить.

- Я и раньше не влюблялся, мне никто не нужен. Да посмотри на меня, я же старик!

- Клянись! Чего тебе бояться, если ты честен с нами?

- Но такая клятва сама по себе грех!

- Если неискренне, если обманываешь, то конечно. А так - ничего плохого, если правда.

– Нет. – Саб отстранился; она все еще рыдала, стараясь не всхлипывать громко. Он взял ее руку в свою. – Хорошо, я готов поклясться. Но давай не будем трогать здоровье малыша, это правда святое для меня! Я обещаю, что не оставлю вас. И еще, если хочешь, – он улыбнулся и поцеловал жене руку, – могу поклясться, что не влюбился, ерунду ты придумала, моя Инес. Если я хожу задумчивый, это из-за Пабло Пикассо, ничем плохим это тебе не грозит, Инес, поверь.

Письмо в Париж с признанием Сабартеса о том, что действительно составляет смысл его жизни, с горькими словами о болезни сына осталось неотправленным, потому что от Пабло пришла телеграмма: «Без тебя АБСАЛЮТНО прападу приезжай париж хоть на неделю с женой расходы на мой счет твой Пикассо».

Когда тесть бесцеремонно вскрыл телеграмму за завтраком и прочел вслух, Саб испугался скандала. Но тесть посмотрел уважительно и передал ему листок, Инес даже слегка улыбнулась, убедившись, что ее тоже зовут в Париж.

В те дни Сабу казалось, что каким-то образом в доме тестя присутствует несокрушимый дух Пабло, лихо и весело помогая ему устраивать обстоятельства поездки. Сперва, на удивление легко, Сабу удалось убедить жену отпустить его, он объяснил, что потом сможет представить местным, а может, даже и парижским журналам, большую статью о великом испанском художнике современности. Он возьмет у Пабло интервью, газеты будут сражаться между собой за такой материал! Возможно, удастся получить заказ в издательстве на книгу о всемирно известном барселонце.

– Я могу назвать книгу «Мой друг юности Пабло Пикассо» или просто «Мой друг Пикассо». Это будет книга интервью, рассуждений о его творчестве. Как считаешь, Инес?

Инес сама поговорила с отцом, заняла у него денег для поездки Саба. Он купил билет в вагон второго класса до Парижа, еще осталось на карманные расходы. Малыш Сальватор вел себя тихо – в основном спал, благостно улыбаясь. Саб счел это хорошим знаком.

* * *

Тридцать четыре года назад он ехал к Пабло в Париж, чтобы утешить его после самоубийства их общего друга Касагемоса. Несколько месяцев потом Саб был для Пикассо собеседником и нянькой: ему пришлось выдерживать вспышки отчаяния и агрессии, они случались у Пабло иногда несколько раз в день, и тогда Сабу хотелось бежать, подальше, обратно в Барселону или хотя бы в кафе по соседству на Монмартре.

«Я терялся: отправить Пабло в больницу? Звать на помощь друзей? А теперь я думаю об этом времени в Париже как о самом счастливом в моей жизни. Наверное, это оттого, что Пабло выстоял, сохранил и преумножил свой дар, вот поэтому мой взгляд на то время столь романтичен. Неужели только результат оправдывает любые жертвы? У одних он есть, у других остаются сожаления, они так и называются – «бес-плодные». То, что не принесло плодов, не считается жизнью», – рассуждал Саб, глядя на Пиренеи. Горы в закатном солнце казались темно-синими, мерцали фиолетовыми бликами. Соседям по купе, супружеской паре, которая впервые отправилась в Париж, хотелось поболтать, но Саб сделал вид, что дремлет. Когда он открыл глаза – иссиня-черные утесы за окном словно растаяли и превратились в мягкие холмы, пейзаж стал цветным и жизнерадостным. Это означало, что Париж приближается. Его встретит Пикассо! Невероятно! Наверняка город его юности изменился. Да и от него, Жауме Сабартеса, образованного и элегантного молодого человека из аристократической семьи, мало что осталось.

«Очень важно, выдал ли Всевышний человеку вместе с даром (с возможностью дара, если говорить точнее) уверенность в себе, стойкий характер и работоспособность, – рассуждал он, снова закрыв глаза. – У многих художников и поэтов – их в Барселоне в нашей компании было предостаточно – дар можно было «подозревать», они «подавали большие надежды», но надо было ждать, сможет ли талант проявиться в полной мере или ему помешают обстоятельства, слабое здоровье, дурные привычки, вселенские катаклизмы, несчастная любовь и все что угодно. Дар Пикассо проявлял себя ежеминутно, невзирая абсолютно ни на какие препоны, он даже становился сильнее, если вокруг происходили катастрофы. Дар Пикассо был способен превозмочь потерю друзей, измены женщин, пьянство, наркотики, дурную болезнь, подхваченную в борделе... Поэтому обычные люди, однажды подойдя близко к Пабло, уже не хотели отдаляться: так чудесно, захватывающе было наблюдать за руками, которые трудились будто сами по себе, – изящные руки Пикассо то мгновенно складывали профиль собеседника из проволоки, то чертили спичкой на стекле силуэт птицы, то делали набросок на бумажной скатерти кафе – любой материал превращался в нечто одушевленное. Руки Пикассо присваивали мир. Они

работали вместе с глазами, которые выхватывали из окружающей действительности то, что Пабло желал пересоздать по-своему. Пабло явился в мир уменьшенной копией или же могущественным посланцем Творца; человек с горящим взглядом, выдержать который обычному человеку было физически трудно, это был взгляд василиска или одержимого. Иногда было тяжело просто находиться рядом с ним».

Саб вспомнил состояние, охватывавшее его в одной комнате с художником в дни дурного настроения: Пабло выл, бросал предметы в стену, начинал цепляться к Сабу, насмехаться над его привычками, которые знал прекрасно, насмехался даже над его преданностью. Саб задыхался в безвольном оцепенении, его тошнило, хотелось на воздух, чтобы выжить, ему надо было ускользнуть от чего-то невыносимо плотного, окружавшего Пабло в такие минуты. Саб чувствовал безволие и обреченность, но, когда он делал попытку уйти, воспользовавшись тем, что Пабло сосредоточен на клочке бумаги или холста, тот вдруг поворачивал голову и мягко просил не оставлять его одного, не обижаться:

- Ну что ты молчишь, Саб, у тебя что, плохое настроение сегодня?

И Пабло нежно и обстоятельно объяснял, как он ценит и любит своего лучшего друга. Саб тридцать лет помнил только эту нежность, не обиды.

Однажды, в особенно трудный и мрачный день, Саб сбежал в «Ротонду», сидел там потерянный и печальный, пока не услышал свое имя – Пабло выкрикнул его издали и приближался, странно глядя на него. Саб был без очков в тот момент, пил свой сидр. Или пиво. Пикассо, усевшись напротив, вдруг объявил, что напишет портрет Саба. Пабло что-то почеркал в блокноте и, не прощаясь, исчез, так же загадочно, как и появился.

Когда Саб наутро пришел в Бато Лавуар, картина уже была готова. Глядя на свой портрет, Саб испытал ужас. Оказалось, он не знал себя – а Пикассо чувствовал все. Саб даже не догадывался, насколько он, Сабартес, – человек слабый и уязвимый. А главное, как это заметно! Пикассо видел его слабость, почти ничтожество, и все равно ведь дружил с ним. И еще, он даже представить не мог, насколько глубоко Пикассо не только знает его, Сабартеса, но и любит. Так любить, – сурово, но безусловно, – мог не человек, а сверхсущество, обладающее знаниями и способностями, превосходящими возможности обычных людей.

Такие сильные эмоции от картины Саб испытал только один раз, именно глядя на собственный портрет в серо-голубоватых тонах. Пикассо изобразил его без очков, откровенно подслеповатым, в обнимку с большой кружкой. Портрет сразу прозвали «Сабартес с пивной кружкой», остроумцы еще и поиздевались, назвав его «грустным подвыпившим детёнышем крота». С первого же дня Саба непреодолимо тянуло к портрету: если бы можно было, он смотрел бы на него бесконечно, так интересна была ему встреча со своим «я», не слишком похожим на его оболочку, почти незнакомым. Это и была – его душа? Саб садился на пол перед этим холстом и смотрел, впадая в состояние, похожее на сон. Через несколько дней Пикассо сказал со смехом: «Хватит, ты свихнешься тут у меня» – и повернул картину лицом к стене.

«Почему я не отдал тогда за портрет все свои деньги?» – до сих пор сокрушался Сабартес. В те времена деньги у него водились гораздо чаще, чем у Пикассо. Саб спокойно платил за совместные обеды, приносил вино, продукты на ужины в Бато Лавуар, на которые собиралось по двадцать человек. Но купить несколько картин друга (за гроши!) не додумался. Вот ведь глупость молодости.

В начале века картины Пабло покупали редко, хотя цены были мизерными, особенно по сравнению с сегодняшними. А вдруг Пабло подарил бы ему тогда портрет, если бы он попросил? – еще одна мысль, которая не давала покоя. Саб не осмелился даже намекнуть тогда, как он мечтает прожить жизнь рядом с этим портретом. А надо было занимать у родственников или у Конвейлера, у кого угодно, – или же просить, умолять о подарке! Только не бездействовать тупо! Почему так поздно понимаешь, что в жизни было самым значительным, что именно – невозвратимо?!

Ну хорошо, а если его портрет до сих пор у Пабло? От этой мысли Саб разволновался, будто обдумывал возможную встречу с любовью юности. Сердце сжималось, когда он представлял себе тот портрет. Вот чудо настоящее – если портрет еще в Париже, в мастерской Пабло, то он сможет взглянуть на себя – точнее, на свою душу! – тридцатилетней давности. Ну да, ну да, портрет Дориана Грэя. Только грустно: если портрет каким-то чудом до сих пор не продан, он теперь не сможет его купить – у него гораздо меньше денег, чем в юности, их совсем не осталось, если быть точным.

Вообще – что он нажил? Что есть у него, почти старого человека? Любовь к сыну и еще чувство вины перед женой, что не назовешь добрым приобретением. Но как есть. И – любовь к Пикассо? Нет, пожалуй, это не любовь, а вера в

творческое всемогущество Пикассо.

Поезд ехал по Франции между лавандовых полей, холмов, покрытых красными и темно-желтыми кустами. Было теплое начало ноября. Сабартес заснул, а проснулся в страхе: вдруг Пабло не получил его телеграмму? Вдруг что-то отвлекло его – новая картина, внезапный творческий импульс, дразги с юристами, – и он не встретит?! Адрес художника известен Сабу, но все равно, очень тоскливо было представлять себя бредущим по новому, уже незнакомому Парижу. Потом Саб испугался другого, и еще больше: Пикассо придет на вокзал, но, увидев его, состарившегося и серого, почти слепого и немодно одетого, не захочет подойти? Или не узнает? А Сабартес ведь со своим зрением не сможет найти друга в толпе. Пабло вернется домой, а Сабартес, конечно, разыщет его квартиру на Ла Боэси, но оба будут разочарованы, поймут, что зря все это, нельзя вернуть молодость и те отношения, уникальные.

Когда около четырех часов дня поезд подъезжал к вокзалу д'Орсе, Саб надел самые сильные очки. Еще не выйдя из вагона, он увидел Пабло за прутьями решетки для встречающих – лицо друга сквозь полосы железа казалось тяжелым и морщинистым, уши крупными. А в следующий момент сияющий взгляд Пикассо, прорвавшись через преграду, затмил людей, вокзал и небо, – и все годы, что они не виделись.

– Привет, дружище Саб, – сказал Пикассо, шагнув навстречу. Голова Пабло стала больше, волос на ней почти не осталось. Саб сдерживался: ведь если слезы потекут из его больных глаз, остановить их будет трудно.

– Мой Пабло, сколько лет мы не виделись? – Саб поставил чемоданчик и стал протирать очки, чтобы успокоиться.

– Я встречал тебя на этом же самом месте в марте 1901-го. Прекрасно помню. Вещей у тебя немного, помочь?

– Нет, сам понесу. – Он отметил, что Пабло будто еще уменьшился в росте, одет он был элегантно и дорого.

– Ну, пойдём, – улыбнулся Пикассо, его глаза сияли. – Нет, стой, дай посмотреть на тебя. Рад тебе, родной мой дружище.

Пабло долго смотрел ему в лицо. Глаза Пикассо существовали по отдельности, словно у каждого глаза был свой характер. Сабу представилось, что свет этого взгляда может сжечь его слабые глаза или, наоборот, чудесным образом вернет зрение. «По-прежнему это глаза не человека, а существа более могущественного. Они стали еще ярче. И похоже, Пабло правда рад меня видеть. Почему я так робею? Одичал».

- Видишь, какой я стал, - не выдержал Сабартес. - Седой уже.

- А я? - Пикассо порывисто обнял его и тут же отстранился, давая себя рассмотреть. - Ты давно меня не видел, - я постарел? Честно?

- Нет, Пабло, ты не изменился, совсем не изменился! - воскликнул Саб. Он уже не замечал ни морщин, ни лысины друга, - и вновь попал в крепкие объятия.

День был длинным, как в молодости, Саб и не помнил такого насыщенного дня; сначала они шли пешком по городу и разговаривали, стеснение быстро ушло. Пикассо много шутил, то и дело взглядывал в лицо Саба, - тот удивился, что в облике друга нет и следа депрессии, о которой так много было в письмах. Разговаривали по-французски; когда-то Саб говорил на нем гораздо лучше друга, сейчас ему приходилось напрягаться, чтобы строить фразы, и тогда Саб первым сбивался на испанский. Некоторых «парижских» модных словечек он вообще не знал. Они много смеялись на ходу. Наконец, Пикассо бодро вошел в большое кафе. «Кафе де Флор» - было написано на вывеске. Это был квартал с нарядными домами, украшенными лепниной и кариаидами.

При появлении Пикассо гул кафе притих, некоторые встали, многие приветствовали издали - будто люди оркестра дождались дирижера. На них смотрели все. Пабло, не останавливаясь, направился за столик у окна. Официант убежал и сразу вернулся, с ним был еще один человек, по виду хозяин кафе. Сабу было неловко за свой помятый с дороги вид и немодную одежду. Он догадался, что может знать имена многих, обедавших сейчас здесь, но ни с кем из них он не был знаком.

- Это Сартр с Симоной, а там вот Бретон и Элюар с девушками, ты видишь их?

- Нет, - признался Саб, - мне нужны другие очки.

– О, вот с кем я обязан тебя познакомить!

Саб поменял очки и увидел толстого человека в огромном вельветовом пиджаке, с ежиком седых волос на голове, но потом заметил юбку.

Пикассо протянул обе руки:

– Это мой лучший друг, он из Барселоны – Жауме Сабартес. Приехал, чтобы стать моим секретарем.

Саб застенчиво улыбнулся шутке друга.

Женщина в мужском обличье приблизилась вплотную, Саб мог разглядеть умные глаза на плоском лице и седые волоски – редкие на верхней губе, более густые на подбородке.

– Саб, вот Гертруда – она тоже мой любимый друг, можете поцеловаться, ревновать не стану.

Саб помнил: Гертруда Стайн – американка, писательница, сорок лет живущая в Париже на деньги от сдачи в аренду домов, доставшихся ей с братом в наследство. Пишет что-то вроде заметок из Парижа, но Саб пока не читал ни одной ее книги. С Пикассо она подружилась, когда Сабартес уже жил в Гватемале. Гертруда с братом сразу начали покупать картины Пабло; трудно найти лучший способ сблизиться с художником, который тебе нравится.

– Юноша с кружкой пива! – прогудела Гертруда виолончельным басом. – Я вас узнала, – ее пожатие было крепким.

– Неужели меня можно узнать? – поразился Сабартес.

– Одно время это была одна из моих любимых работ, хотела даже купить, но перехватили, – Гертруда бесцеремонно разглядывала Саба, слегка кивая головой. – Узнать вас трудно, но можно. Вполне. Немного, но что-то осталось, например линия рта, необычно красивая для мужчины...

Видно, она не считала нужным лукавить.

– Я сам часто вспоминаю тот портрет, – Саб смутился и повернулся к Пикассо: – А где он теперь?

– Давно в России, – махнул тот неопределенно. – В Москве, что ли, откуда я знаю.

– Его увез... месье Щукин, – подсказала Гертруда.

– Ага, – улыбнулся Пабло и кивнул. – Мой первый богатый покупатель.

– Он мог выбрать лучшее. И много! Не то что я, несчастная...

– Не прибедняйся, мадемуазель красотка.

– Сколько он купил твоих картин, сорок?

– Пятьдесят, может быть.

– Вот! Накупил, привез в Москву, кубизм Пикассо устроил в Москве кавардак и сверг царя. Ты постарался. – Гертруда похлопала Пабло по плечу и засмеялась басом. – Испанский анархист разрушил государство!

Пабло лишь усмехнулся, видимо, слышал шутку не впервые.

– Посидишь с нами?

– Сейчас не могу, сокровище, у меня встреча. Рада познакомиться, месье Сабартес. – Гертруда развернула тяжелое тело и пошла за столик, где сидела ее компания. – Приходите в гости! Обязательно приходите!

– Ладно, зайдем как-нибудь.

Официант принес стаканы и бутылку воды, Пабло поблагодарил кивком и закурил новую сигарету. В кафе было накурено, слезы из глаз Сабартеса лились потоком, ему очень хотелось кофе. Люди продолжали подходить, чтобы поприветствовать Пикассо, многим художник представлял друга, слышались знакомые, часто известные фамилии, лица мелькали, но Сабу казалось, что он

уже ничего не может воспринимать.

– Можно мне кофе? – попросил он официанта, который стоял неподалеку, с улыбкой наблюдая оживление вокруг столика Пикассо.

– Ты пьешь кофе, Саб? – усмехнулся Пабло. – Я давно не пью. Только воду или чай с травами, хорошо для желудка.

– А вино?

– Надо быть идиотом, живя во Франции, его не пить. Хотя на самом деле мне уже наплевать на вино... и тебе советую думать о своем здоровье. – Пабло стал обстоятельно заправлять сигарету в мундштук из золотистого прозрачного камня.

– Я пью за приезд друга Пикассо! – Элегантный человек за соседним столиком привстал, рядом с ним сидела худая женщина с сияющим лицом.

– Это Поль Элюар, – сказал Пабло.

– Спасибо вам, месье Элюар, – Саб был растроган. Стихи Элюара ему нравились, в Нью-Йорке он даже пытался переводить их на испанский, и хотелось сказать поэту об этом, но Саб смутился.

– Просто Поль, прошу вас... – Элюар улыбнулся широко. – И лучше сразу на «ты», ненавижу церемонии.

– Я так рад знакомству! Ценю ваши... твои стихи, особенно из последнего сборника.

Официант принес чашку кофе и круассан на серебряном подносе, рядом в тисненой кожаной паке с вензелями лежал счет.

Пабло дружески потрепал официанта по руке:

– Паскаль, мы обедать не будем. Торопимся домой, да и собака ждет.

- У тебя и сейчас собака? – Кофе показался Сабу восхитительным.
- Саб ведь тоже чудесно пишет, – громко сказал Пикассо, обращаясь к Элюару.
- Что ты, Пабло, давно уже нет! – запротестовал Саб.
- Нам бы собраться и почитать стихи, – откликнулся Элюар.
- И стихи Пабло тоже надо всем послушать, – напомнил Сабартес.

Спутница Элюара смеялась и все время взглядывала на Поля, было заметно, что она влюблена. Сабу казалось, что так должна звучать свирель в древнем храме на цветущих островах, звонко и нежно.

- Быстро допивай, нам пора, – сказал Пикассо.

Саб соображал, как поступить со счетом за круассан и чашку кофе с крошечным печеньем, сумма показалась ему чудовищной; за эти деньги в Барселоне можно хорошо пообедать. Как это они целый день здесь сидят, да еще и пьют вино! Неплохо живет парижская богема. Саб полез в нагрудный карман пиджака за кошельком, помедлил еще и положил на поднос десять франков, мельче купюры не было.

Они ушли, не дождавшись сдачи. Саб стыдился, что вынужден думать о плате за чашку кофе. На улице начался сильный дождь, пришлось не идти, а бежать, Саб ковылял со своим чемоданчиком, Пабло курил на ходу.

- Ну что ты тащишься, как старик, давай побыстрее, моя собака может надуть лужу, – подгонял Пикассо.

Темнело, но в большом подъезде можно было видеть мраморную лестницу, невероятно широкую, с плавными изгибами. И вдруг послышался жуткий звук, завывание потустороннего существа.

- Так меня встречает мой пес, – объяснил Пабло.

Пока он открывал тяжелую дверь, вой превратился в звонкий лай, огромная худая собака выскочила из квартиры и стремительно бросилась на Саба. Он всегда боялся собак и тотчас ринулся по темной лестнице, рискуя загреметь вниз.

– Стой спокойно, да стой ты на месте! – закричал Пабло. – Он ничего не сделает, главное, не двигайся! Он вырос, а ведет себя как щенок.

Саб, не выпуская чемоданчик, свободной рукой вцепился в перила.

– Стоять, Эльф, засранец, веди себя прилично, фу! – Пабло наподдал ладонью по тощему задку собаки. – Это друг! Фу, я сказал, отстань, гаденыш...

Собака убрала лапы с плеч Саба, но не спускала с него глаз, продолжая рычать и скалить зубы. Саб боялся поднять руку, чтобы поправить съехавшие набок очки, которые могли упасть и разбиться на мраморном полу.

Пикассо рассмеялся:

– Ты все еще боишься собак.

– У меня их никогда не было.

– Он тебя обнюхал и приставать, наверное, больше не будет.

Это «наверное» не успокоило Саба.

– Заходи, я возьму твой чемодан.

Собака завиляла хвостом и потеряла интерес к гостю. Саб шагнул внутрь квартиры, но не мог ничего увидеть из-за темноты.

– Там второй этаж и моя мастерская, – объяснял Пикассо, показывая в угол зала, где была лестница. – Моя! Это был мой этаж, даже не разрешал «этой» туда входить. И вот он опечатан, а я должен жить в комнатах этой суки.

Представляешь, как я это все ненавижу?! Сейчас свет зажгу.

Гостиная была огромной, на улицу выходили три окна от пола и до потолка, метра по четыре в высоту. Даже в полумраке был виден массивный камин, отделанный светлым мрамором, украшенный полуколоннами. По углам зала стояли круглые кресла и канапе, все в холщовых чехлах, на них кучами лежали сумки, журналы, одежда и коробки. В центре криво располагался овальный стол на крепких выгнутых ножках, наполовину заставленный посудой, бутылками. Было еще несколько столиков, на них тоже были навалены книги и бумаги, каталоги, стаканы и чашки, разноцветные мелочи, много хлама валялось на полу. Стены были голыми, по стенам и с потолка свисали толстые разноцветные шнуры, на некоторых висели – большая конфета в желтой фольге, какой-то камень, перевязанный бечевкой, растрепанная кукла. Около стены и на каминной стойке стояли корявые фигурки-скульптуры, деревянные, медные, сделанные из проволоки.

Пабло, не снимая пальто, ходил и зажигал лампы на столиках, включал торшеры со старомодными абажурами. Собака, опустив хвост, бродила за ним, уставившись на пятки хозяина.

– На этом этаже раньше жила «она», – повторил Пабло, не называя бывшую жену ни по имени, ни «женой». – А когда пришли приставы... слизняки, шакалы проклятые! Собрали и заперли все ценное. Прямо при мне лапали мои картины, сволочи, снимали со стен! Вот когда я пожалел, что у меня нет оружия! Еще и опечатали мастерскую, я тебе покажу потом, налепили свои грязные бумажки с печатями. Хотя это смех, конечно, я здесь столько лет живу и знаю, как пробраться в мастерскую, плевал я на их печати. Только не хочу. Не желаю – и все! Заперли даже рисунки, скульптуры... я чуть не свихнулся от бешенства, ненавижу их грязные лапы, просто ненавижу.

Саб так и стоял около своего чемодана. Над камином заискрилось большое зеркало в широкой позолоченной раме, он шагнул вперед и тут же чуть не упал, наступив на огрызок яблока. По полу почти равномерно были разбросаны окурки и другой мусор.

– Так я теперь живу. – Пабло присел на стул и стал гладить собаку. – Давай быстро поедем, и нам с тобой надо выйти с Эльфом. Ты ведь голоден?

Саб пожал плечами: он был голоден и устал. Снимать влажное пальто в холодной квартире не хотелось.

– Здесь теперь моя спальня, раньше в ней спала «она» со своими финтифлюшками, – махнул Пабло в сторону широкого дверного проема. – А тебе я приготовил отдельную комнату, пойдем покажу.

В конце коридора была небольшая кухня, загроможденная утварью, и рядом узкая комната с окном, там помещались небольшая кровать и шкафчик. Саб догадался, что это каморка прислуги.

– Здесь спала кухарка, – подтвердил Пабло. – Ее хренова кухарка, готовила только то, что мне вредно, мечтала, чтобы я окочурился побыстрее. «Она» забрала эту дуру с собой. Сейчас мне одна старая дама приносит суп и продукты, но не живет здесь. Я никого не хотел видеть, никого не мог выносить! Кроме тебя! И вот решил, что, если бы ты приехал с женой, вы могли бы здесь пожить.

Вдвоем вообще невозможно было бы здесь поместиться, но Саб промолчал; ему было страшно представить, что сказала бы его гордая жена, предложи он ей поселиться здесь в комнате кухарки. Вслух он сказал:

– Хорошо. Могу помыть руки? – В конце концов, неделю можно здесь пожить, важно только то, что он будет рядом с Пабло. Какой, в самом деле, материал для книги: они будут беседовать каждый день.

– У тебя здесь отдельный туалет, из коридора, и в кухне есть кран. А большой умывальник и ванна – они там, рядом со спальней. Тебе нравится? – Не интересуясь ответом, Пабло стал рассматривать пакеты с едой на кухонном столе. – Я камин не разжигаяю, может быть, по ночам и прохладно бывает, но так полезнее для здоровья. И я отдам тебе одеяло, не волнуйся.

– Я не волнуюсь, – Саб был обескуражен увиденным.

– Давай поедим, – снова предложил Пабло. – Вот сыр она принесла, зелень, лук. Суп остыл, подогреем? Надо бы кастрюлю найти... ты видишь подходящую кастрюлю? Один я привык есть в городе, но раз мы теперь вдвоем, предпочитаю твою компанию... Мне много надо тебе рассказать, посоветоваться. Так, как думаешь, эти миски чистые? «Она» еще и всю приличную посуду забрала, так что прости.

Они кое-как накрыли стол, вернее, часть большого стола в гостиной. Собака вернулась из спальни и наблюдала, потом устроилась у ног хозяина. После тарелки теплого супа Саб согрелся. Теперь все казалось ему восхитительным: то, что они вдвоем могут провести какое-то время в удивительной квартире в центре Парижа, и то, что Пабло нежен с ним и совершенно откровенен, как ни с одним человеком в мире.

Они сразу заговорили о тайне Пикассо.

- Значит, у тебя маленькая дочка! - Поднял Саб свой стакан с вином.

- Ей два месяца исполнилось, такая крепенькая, знаешь, очень красивая. Недавно крестили ее. Давай за здоровье малышки.

- Счастливый молодой отец! Ты не написал - как назвал дочь?

- Мария-Кончита. Мы зовем ее Майя, а ее второе имя - Кончита, - повторил Пикассо и отвернулся со вздохом. - В том-то и дело... из-за этого я перестал писать картины. - Пабло выпил вино залпом и громко стукнул кулаком по столу. Собака гавкнула. - Спасибо, что приехал, потому что я ни с кем больше не хочу это обсуждать. Абсолютно.

- Я думал, ты не работаешь из-за вторжения. Из-за печатей этих, - кивнул Сабартес на лестницу, ведущую вверх, в мастерскую.

- Ха, если бы приспичило, плевал бы я на них! Они же не догадались приставить к моей мастерской солдата с ружьем, жалкие кретины. И вообще, я могу работать хоть на полу или в сортире. Просто теперь я поэт! Ладно, псу давно пора гулять, пойдём. По крайней мере, теперь ты у меня появился, родная душа.

Саб согрелся после еды и вина, ему совсем не хотелось на улицу под ноябрьский дождь. Но пришлось подняться и накручивать на шею шарф. Все-таки Франция - холодная страна, хорошо, что он привез свои старые теплые вещи.

Вышли с черного хода, дверь туда вела из кухни. Спускаться в темноте по узкой лестнице, заставленной сломанной мебелью, при свете карманного фонарика было очень неудобно, Сабартес боялся загромоздить вниз по крутым ступенькам, да

и пес то и дело застревал, тыкаясь в старое кресло или абажур. Пабло объяснил, что так надо потому, что «она» теперь живет неподалеку и часто стоит напротив подъезда, чтобы сказать какую-нибудь гадость.

– Не хочу, чтобы «эта» знала о твоём приезде, следит ведь за мной, делать ей нечего, – сказал Пабло и выругался. – Каждый день торчит под моими окнами, ненормальная.

Выйдя из двора окружным путем, они вскоре оказались на набережной и пошли вдоль Сены. Пикассо начал тихо:

– У меня была сестра. Не Лола, которую ты знаешь, а еще одна, Кончита, на шесть лет меня младше. Такая красивая! Очень веселая. Мы тогда переехали из Малаги в Ла Корунью, и мне исполнилось четырнадцать. Значит, ей было восемь. Зимой Кончита заболела дифтеритом. Там климат поганый, вечные ветра и холод, а в Малаге, где мы выросли, было ведь тепло круглый год, может быть, от этого она и заболела. В общем, к Рождеству Кончита совсем ослабла, все за нее испугались. И я тоже... я так боялся потерять мою любимую сестренку, что заключил свой собственный договор с Богом...

Иногда Сабу казалось, что друг вот-вот расплатится, но Пабло лишь замолкал надолго, и тогда они шли рядом, молча, глядя на бегущую впереди собаку. Люди им встречались редко.

– Я стал торговаться с Создателем, был готов на что угодно, лишь бы не потерять Кончиту. Пообещал Ему, вернее – поклялся, что если Кончита выздоровеет, то больше никогда... – голос Пабло стал тихим, – никогда не возьму в руки ни кисть, ни карандаш, – пробормотал он скороговоркой, – что абсолютно добровольно пожертвую своей главной страстью – рисовать, писать маслом, лепить! Ради жизни любимой сестры. Может быть, именно на Рождество я и поклялся. Кончита угасала, а я страдал, страдал от двойственности: я страстно мечтал, чтобы она выздоровела, чтобы снова позвала меня, целовала, играла со мной. Увидеть ее глаза. Господи, какая она была хорошая, ты не представляешь! И в то же время мне страшно, как всегда, и даже еще сильнее, хотелось рисовать! Иногда мучила подлая мысль о том, что если будет жива и здорова, если останется жива моя Кончита! – то сам я стану навсегда несчастным! Эта мысль вообще мне не давала покоя, я и во сне об этом думал. Клянусь тебе, даже во сне...

Послышался всхлип. Некоторое время они снова шли молча, потом Пикассо громко высморкался.

- Ее не стало недели через две. Я рыдал, и так сильно страдал, ты не представляешь. Меня мучила совесть, жестоко! Прямо когтями рвала душу. Даже матери я никогда не признался, что иногда думал, что это я убил... Кончиту. Я сам! Да! Потому что хотел рисовать. Ничего не мог с собой поделаться!

Они долго шли молча. Сабартес был поражен откровенностью друга.

- И ты назвал свою дочку в честь Кончиты, которую так любил. Это правильно.

Сабартес не успел испугаться, Пабло схватил его за воротник пальто:

- Хорошо, по-твоему?! - Пикассо внимательно посмотрел в глаза друга, затем отпустил. - Прости, Саб. Просто я вообще никому не говорил об этом, не рассказывал, а мне правда больно. И жутко страшно.

- Чего ты боишься?

- Все само сложилось, и «эта» помогла... что теперь я могу выполнить свою клятву. Обет, который дал Богу. Мне иногда кажется, что моя сестра вернулась, чтобы напомнить о моей клятве, дать возможность исполнить ее.

- Как это - вернулась?!

- Если бы ты видел мою сестру Кончиту в младенчестве и сейчас нашу малютку Майю, ты бы меня понял. Это будто один и тот же человек! Взгляд тот же! Поэтому, чтобы моя дочь Майя-Кончита жила, чтобы она была здорова, я не должен больше работать. Так мне кажется. Из-за этого я теперь пишу стихи и не лезу в собственную мастерскую. Эти печати - знак судьбы! - Пабло поднял руку. - Мне запрещено работать! Самим провидением! Не имею права, во имя моей дочери и ее благополучной жизни, - последние слова он произнес скороговоркой и шепотом.

Сабартес и представить не мог, что Пабло страдает так сильно.

2. Нуш. Золотистый желтый

Несколько дней были солнечными. Сабартес чувствовал себя словно в счастливом путешествии, обновленным и легким. Пока они с Пабло разговаривали, ходили по городу, сидели в кафе, Саб почти не вспоминал о семье, и только засыпая, привычно молился о благополучии сына.

Ближе к полудню Сабу приходилось будить Пабло, который еще долго не вставал, просил принести ему чай и поговорить с ним. Выпив дома чай и кофе, они отправлялись гулять с собакой, по дороге заходили в «Кафе де Флор» или к Липпу, Пабло выкуривал там несколько сигарет, не заказывая ничего кроме воды. Если обедали дома, Саб делал большой салат из овощей и вареной фасоли – по-прежнему любимое блюдо Пабло, как выяснилось. Пикассо придумал свой соус к такому салату, с удовольствием делал его, тщательно размешивая ингредиенты. Кухарка через день приносила гуляш или жареную рыбу; она приходила рано утром, занималась только продуктами и посудой, убираться в комнатах Пабло ей не разрешал.

После обеда Пабло устраивался с блокнотом в спальне.

Саб разбирал бумаги, письма, журналы и газеты, лежавшие стопками в каждом углу, на столах и под столами. Перед сном Саб делал записи в большую тетрадь – вел дневник, записывал разговоры с Пабло об искусстве. Он также пообещал Пабло, что постарается перепечатать его стихи, сделает подборку и переведет их на французский, если сможет. Письма, страницы с текстами и газеты лежали прямо на кровати, на которой спал Пабло. В отместку жене он превратил вторую половину супружеской кровати в подобие стола: плотно застелил ее газетами, оставлял там журналы, посуду, складывал одежду. Спальня выглядела неряшливо, – Сабартес решил, что неудивительно, что у Пабло депрессия, любой человек, живущий в такой грязи, будет постоянно в плохом настроении. Эти завалы, очевидно, мешают начать новую жизнь. Но было неясно, какой новой жизни желает себе Пикассо; Саб не мог понять, что его друга угнетает больше – склока с бывшей или страх начать строить новую семью.

Два раза в неделю Пабло уезжал на целый день за город на такси. Он объяснил, что, пока суд не вынесет решение о разделе имущества, он не имеет права

пользоваться своей машиной, его шофер пока работает на Ольгу.

– Машину, клянусь небом и здоровьем матери, я ей не отдам, – мрачно повторял Пабло, глаза его становились огромными и сверкали.

В отсутствие Пабло Сабартес продолжал разбирать бумаги, иногда просто спал, отдыхая после ночных бдений с другом. Выгуливать Эльфа в такие дни Саб отказался, как мог, решительно, оправдываясь тем, что может не заметить, куда побежала собака, и потерять ее. Когда хозяина не было, Эльф целыми днями лежал под дверью, не обращая внимания на Саба.

Возвращался Пикассо всегда к ночи, в хорошем настроении.

– А ты после развода женишься на матери своей малышки? – осторожно спросил Саб как-то за ужином.

– Я обещал ей жениться, конечно же, обещал. Когда мы не видимся, она пишет мне каждый день. Но теперь...

– Она не согласна? Ее родители против?

– У нее только мать. Я же сказал, она жить без меня не может. Я тебе почитаю, хочешь? – Пикассо пошарил на столе и вытащил конверт. – Вот, например: «Любимый, дни, когда мы с Майей не видим нашего папочку, становятся бессмысленными и вовсе пустыми, каждый пальчик, каждый волос Майи напоминает мне тебя...» Она простая девушка абсолютно... и ведь ей всего двадцать четыре! – похвастался Пабло.

«На тридцать лет моложе», – сообразил Саб.

– Сейчас редко ей отвечаю, все из-за тебя!

– Из-за меня?!

– Конечно, ведь я уже не так скучаю, она обижается, что реже стал навещать. Ее надо беречь, она же малышку кормит! С ума по мне сходит, после восьми лет нашего романа, представь. И обожает заниматься со мной любовью. Даже

сейчас очень быстро восстановилась после родов. Завтра, нет, послезавтра снова поеду к ним, – Пикассо сощурился. – Но не только для этого! Я даже купаю малышку. – Пабло явно было приятно говорить о своей молодой семье. – А знаешь что, Саб, давай залезем в мастерскую, покажу тебе ее портреты! Хочешь?

Саб обрадовался, он до сих пор не видел новых работ, если не считать рисунки, забытые в залежах на столах.

– Без тебя бы не полез, – признался Пабло. – Еще разгромлю там что-нибудь, впадаю в бешенство от бандитского вторжения в мою мастерскую.

При свете фонарика они поднялись по узкой лестнице, Пикассо открыл длинным старинным ключом небольшую дверь, которой явно давно не пользовались, пришлось вдвоем тянуть изо всех сил.

– Я специально эту дверь замаскировал, – Пикассо с довольным видом потер испачканные ладони.

Сабу в нос ударил застоявшийся запах табака, сырости и керосинового растворителя. Пикассо включил несколько ламп без абажуров, встроенных в стену: яркий свет озарил большое помещение с мольбертами, длинным дощатым столом, крепкими табуретами. Повсюду были картины, стояли скульптуры, свисали драпировки. На столе, на стульях и табуретах, и даже на полу валялись тюбики с красками, кисти, пузырьки. Большинство картин были повернуты к стене.

Саб чувствовал себя как ребенок, попавший ночью на склад магазина игрушек.

– Будто здесь трудились много разных художников! Как мог один человек все это сделать?!

Вдруг стало темно.

– «Она» шпионит, может простоять всю ночь, задрав голову, глядя на мои окна. – Пикассо снова включил фонарик, направив свет в пол. – Еще не хватало, чтобы «она» позвала полицию, истеричка, и заявила, что я нарушаю решение суда.

Пойдем отсюда, – голос его стал скучным.

– Покажи хоть что-нибудь! Это как оказаться рядом с сокровищем и не иметь возможности его рассмотреть, – взмолился Саб.

– Да ладно! Ты что, картин не видел?

– Но это – твои! Ты великий художник.

– Сам написал мне, что если я захочу, то могу стать таким же великим поэтом, – буркнул Пабло. Саб не писал такого, но смолчал.

Он осторожно подошел к столу и взял в руки картон небольшого формата. В темноте невозможно было рассмотреть его подробно, у Саба было ощущение, что он держит в руках яркий детский рисунок.

– Посвети сюда. Это твое? – спросил он.

– Нет – твое. Забыл, что ли, в чью мастерскую забрался?

«Он же сам меня притащил», – удивился Саб, ему было плохо видно, но выпускать из рук картину не хотелось.

– Я же не знаю вообще, как ты стал писать в последнее время, – оправдывался Саб. В свете фонарика было видно, что изображено то ли животное, то ли детская игрушка золотистого цвета.

– Это новая работа?

– Тут подписано: Динар, 1928, август. Значит, написал семь лет назад. Это и есть моя, ну, моя женщина, мать Майи-Кончиты.

Пабло ни разу не назвал имя молодой любовницы. «Не доверяет все-таки? В чем тогда смысл нашего общения, какова цена его откровенности, если он боится произносить при мне имя любимой женщины?» – расстроился Саб.

– Пабло, я так ничего не вижу, – пожаловался он. – Пойдем вниз. Или вернемся сюда днем, если хочешь.

Пабло, будто почувствовав обиду Саба, подошел ближе и направил фонарик на картину.

– Мы в то лето с моей бывшей и сыном поехали отдыхать в Динар, а рядом был спортивный лагерь для... для девушек-спортсменок, и она была там, мы до этого мало встречались. Но в Динаре на пляже мы с ней оба стали словно одержимыми, так хотели друг друга.

– Ясно! – Сабу стало смешно: Пикассо хочет выговориться, но говорит про одну свою женщину «она», про другую тоже – «она», а его собеседник должен догадываться, какую именно он имеет в виду. Ну пусть, в конце концов, важнее всего, чтобы Пабло стало легче.

– Да. Мы встречались на пляже в кабинках для переодевания. Ухххх, ты не представляешь, что это были за дни. Я помолодел на двадцать лет, точно, – увлекся воспоминаниями Пабло.

На картине изображена была фигурка, напоминающая детскую игрушечную лошадку. С черным ключом – в лапке? В руке? В образе читались наивность и решительность одновременно. Фантастическая фигурка целеустремленно поднималась по желтым ступеням к некоей двери того же цвета, намереваясь проникнуть туда с помощью яркого черного ключа, несоразмерно большого. И еще: бледный золотистый окрас тела существа дополнял горизонтальный черный мазок. Почему горизонтальный? «Но почему я вижу в этом эротизм? Может быть, у меня воображение болезненное?» – Саб ощущал зной, сладость запретных игр, животную страсть, энергию и опасность, слышал шум волн и голоса на пляже. Страх и покорность девочки, наслаждение. Похоть? Да, эту страсть на солнце, пожалуй, можно назвать похотью, импульсом животной страсти. Каким образом это наивное изображение передает все это? Цветом? Но в свете фонарика Саб не мог видеть цвет в полной мере, тем более трудно было оценить соотношение оттенков. Черный ключ на золотистом фоне картины притягивал взгляд. Саб помнил, что Пикассо всегда относился к ключам с особым пиететом, вот и здесь ключ в лапке золотистого существа выглядел как волшебный предмет.

– Мы совершенно одурели от любви и солнца, – повторил Пабло. – И было опасно... мне даже было немного страшно, она была несовершеннолетней. Знаешь, эти загорелые длинные ноги, плоский живот... если бы кто-то догадался про нашу кабинку и что там творилось, боже! Хватит, не хочу больше это видеть.

Свет фонарика покинул полотно и бродил, высвечивая фрагменты других картин.

– Долго мастерская будет опечатана? – Саб пытался представить, какие страсти, краски, невиданные формы находятся здесь в плену. – Разве посторонние люди имеют право лишать нас всех возможности смотреть на твое искусство?

Он понял теперь отвращение друга: все в этой емкой вселенной было создано руками Пикассо. И вдруг холодные руки, лишенные дара, вторглись сюда, решив изолировать создания от их творца.

– Откуда знаю, – фонарик Пабло перестал освещать детские фигурки, причудливо переплетенные с формами ягодич и грудей, – идем.

* * *

Утром Сабартес встал рано, рассмотрел провизию, принесенную кухаркой, и попросил ее тщательнее перемыть посуду. Затем нашел ящик, где лежали скатерти, и выбрал самую нарядную. До полудня Саб занимался уборкой зала, пытаясь разложить вещи более компактно и протереть пыль. Потом занялся сервировкой стола: не только постелил скатерть и поставил приборы, но и нашел и отмыл подставку для чайника, взял небольшую вазу, туда поместил разноцветные листья, принесенные с прогулки.

– Который там час? – спросил Пабло из своей спальни около полудня.

– В любом случае пора вставать, – отозвался Саб, поправляя нарядные салфетки под приборами.

– Ну, посплю еще.

Накануне, после похода в мастерскую, они пили допоздна, рассказывали друг другу истории, Пабло никак не хотел ложиться спать.

- Можно тебя попросить, Саб? Принеси бумагу и карандаш! Мне надо записать сон.

- Сначала вставай, я еще даже не пил кофе. Запишешь за завтраком.

- А сколько времени?

- Почти полдень, поздно уже. Хочу кофе!

- Ну и пей, а мне нужен карандаш!

- Ты помнишь, Элюар вчера сказал, что они придут к нам.

- Точно! Забыл, уже встаю. Пойдем погуляем и купим что-нибудь к обеду. Вино мы все выпили. Ты сделаешь салат?

Какая красота, - сказал Пабло, увидев в гостиной накрытый завтрак. - Ты волшебник, мой Саб! А... а куда ты дел вещи, которые были здесь, на столе? - вдруг забеспокоился он.

- Пока никуда, просто сложил все там, у окна.

- Не выбросил? Не люблю, когда их передвигают... - Пабло склонился над стопкой бумаг и журналов, возвышавшейся, как сугроб, около окна.

- Но я... там не вещи, Пабло, просто бумаги, разное барахло...

- Барахло?! Ты решаешь в моем доме, что нужно, а что нет? Если даже маленькой бумажке или вот этому спичечному коробку... - Пабло наклонился и взял в руки коробок с таким видом, будто спасал птенца.

- Он пустой, успокойся.

– Какая разница! Ему судьба выпала попасть ко мне, это не может быть случайностью – ни для него, ни для меня! И место, которое он занял в доме, тоже не случайно! А ты его оттуда... У меня свой порядок, и я ненавижу! Больше всего ненавижу! Невыносимо, когда его нарушают. Есть мой мир, и любая мелочь в нем работает, разве ты этого не понимаешь?! Саб, я думал, ты все чувствуешь, – причитал Пабло.

– Я только перебрал старые газеты и, между прочим, нашел там листки с твоими стихами, о которых ты забыл, наверное. Я положил их в отдельную папку, чтобы перепечатать, когда ты поедешь к дочери.

– Что ты еще перебирал? Может быть, мою почту тоже, а?!

– Я не читаю чужих писем, – кровь бросилась в лицо Сабу. Его подозревают и отчитывают, словно нерадивого слугу? «Кажется, пора уезжать, пока не поссорились. Он обещал мне денег на дорогу... обещал ведь? Как унижительно ждать подачки».

Пабло взял папку со стихами, внимательно просмотрел бумажки, исписанные разноцветными чернилами и карандашами.

– Ты эти новые прочел? Как тебе? – он пристально смотрел Сабу в лицо.

– Как я мог успеть? Занимался завтраком и уборкой.

– Ладно, давай завтракать, – сказал Пабло уже благодушно и плюхнулся на стул. – Букет отличный, у тебя талант, Саб, – ставить листья в вазу.

* * *

Когда Пикассо отворил дверь гостям, в комнате сперва появился запах – смесь аромата бергамота и нероли. Саб не знал, что бывают такие нежные, но дерзкие духи. «Не обязательно смотреть на Нуш, хочется просто быть поблизости, стоять как можно ближе к ней, и не только духи так воздействуют, наверное... Она воплощение «высокой» богемы, подруга самого талантливого поэта Франции, живет в интеллектуальной и материальной роскоши, глядя на нее, сразу думаешь об утонченной любви. Нуш воплощает избранность, которую не купишь

за деньги, хотя и она обходится недешево».

Было заметно, что Элюары осознают свою принадлежность к среде «la creme de la creme» и, что особенно важно, получают от своей жизни удовольствие каждый час. Общаются они, разумеется, только со «своими». Саб робко улыбался, чувствуя себя жалким провинциалом, затесавшимся в чуждую компанию, он отвык от подобного общества уже давно.

– А мы заждались, есть хотим, – Пабло приобнял Саба и подтолкнул вперед. – Ну, знакомьтесь снова, теперь как полагается.

Нуш обняла и расцеловала Саба, четыре раза; он и забыл, что парижанки любят целоваться при встрече и прощании, и кажется, парижане тоже. Вот и Элюар, улыбаясь, шагнул к нему. Красный жакет на ней, красный шарф на поэте; пара представляла эффектную композицию, будто каждый миг они позировали для модного журнала.

Поль поставил на стол темные бутылки, обернутые газетами:

– «Шато нёф дю пап» двадцать девятого года. Нуш любит это вино, в двадцать девятом хорошее было лето, каким я его помню.

– Только мало две бутылки, – рассмеялась Нуш. – А польше там не осталось! – Нуш разговаривала с сильным эльзасским акцентом, похожим на немецкий; особенно это было заметно, когда она говорила быстро.

– У нас есть запас, – заверил Пабло.

Элюар выглядел уставшим, лицо одутловатое. Но все равно поэт, в представлении Саба, был воплощением парижского шика, про таких в Барселоне говорили: «Можно заложить душу, но, чтобы так повязывать шарф, надо родиться и вырасти в центре Парижа». Костюм, цвет носков, манера носить шляпу, – все выдавало в Элюаре эталонного «бобо» – представителя класса «буржуа-богема».

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/selestin_elenasvidetel-pikasso

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)